

Г. К. ЖУКОВ

Воспоминания и размышления

<Фрагменты>

<...>

В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на другую должность...

<...> Через несколько дней я был принят лично И. В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом...

<...> Возвратясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы.

Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление. Если он всегда и со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем, как о страшном человеке.

Тогда не хотелось верить плохому.

<...>

<...> На другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать все, что мне посылают, — вспылил И. В. Сталин.

С. К. Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил он.

— Завтра утром, — ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

— За «синюю» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную) — генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, все время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе...

<...> Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...¹

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», остановил его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав еще несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны? — спросил он.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, И. В. Сталин спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы)² строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, — резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место.

Затем по ряду проблемных вопросов выступили еще некоторые генералы.

Очень дельно говорил начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал П. В. Рычагов. Он настаивал на необходимости ускоренного развития наших воздушных сил на базе новейших самолетов и считал необходимым улучшить боевую подготовку летного состава.

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16–18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Это замечание И. В. Сталина как-то не увязывалось с его прежней точкой зрения по этому вопросу. Как известно, в ноябре 1939 года были расформированы наши танковые корпуса, и высшим танковым соединением было приказано иметь танковую бригаду.

В заключение И. В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приемную. К. А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И. В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен. С К. А. Мерецковым я длительное время работал в Белорусском особом военном округе, где он был начальником штаба округа, когда во главе округа стоял командарм 1 ранга И. П. Уборевич. Тот ценил К. А. Мерецкова как трудолюбивого, знающего и опытного работника...

<...> На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове «решило».

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И. В. Сталин.

<...>

<...> Перед войной считалось, что для руководства фронтами, внутренними округами и войсками резерва Главного командования в случае войны будут использованы преимущественно средства Наркомата связи и ВЧ Наркомата внутренних дел. Узлы связи Главного командования, Генштаба и фронтов получают все нужное от местных органов Наркомата связи. Но они, как потом оказалось, к работе в условиях войны подготовлены не были³.

С состоянием местных органов связи я был знаком по маневрам и командно-штабным полевым учениям, когда на арендных началах пользовался их услугами. Еще тогда мы сомневались в способности местных органов обеспечить вооруженные силы устойчивой связью во время войны.

Все эти обстоятельства обусловили главный недостаток в подготовке командиров, штабов соединений и армейских объединений: отсутствие умения хорошо управлять войсками в сложных и быстро меняющихся условиях боевой обстановки. Командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны — известно. Внутренняя радиосвязь в подразделениях боевой авиации, в аэродромной сети, в танковых подразделениях и частях, где проводная связь вообще неприменима, осуществлялась слабо.

И. В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники. Конечно, это дело не одного года. Каждому ясно, что этим надо было бы заниматься за много лет до войны, но этого сделано не было.

Подземной кабельной сети, необходимой для обслуживания оперативных и стратегических инстанций, не было вовсе.

Нужны были срочные мероприятия, чтобы привести телефонно-телеграфную сеть, радио- и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок.

Разговоры по этим вопросам с Наркоматом связи ни к чему не привели. И не потому, что кто-то не хотел делать лишнюю работу: улучшение организации связи было совершенно очевидной необходимостью. Наркомат не мог физически выполнить требования армии.

То, что было сделано в конце 1940-го — начале 1941 года для улучшения местной связи и связи отдельных центров с Москвой, не могло решить поставленную задачу...

<...>

Генеральный штаб выполнял громадную оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны.

Однако в работе самого аппарата Генштаба были недостатки. Так, при изучении весной 1941 года положения дел выяснилось, что у Генерального штаба, так же как и у наркома обороны и командующих видами и родами войск, не подготовлены на случай войны командные пункты, откуда можно было бы осуществлять управление вооруженными силами, быстро передавать в войска директивы Ставки, получать и обрабатывать донесения войск.

В предвоенные годы время для строительства командных пунктов было упущено. Когда же началась война, Главному командованию, Генеральному штабу, всем штабам родов войск и центральным управлениям пришлось осуществлять руководство из своих кабинетов мирного времени, что серьезно осложнило их работу. К сожалению, приходится отметить, что И. В. Сталин накануне и в начале войны недооценивал роль и значение Генштаба.

Между тем Генеральный штаб, по образному выражению Б. М. Шапошникова, — это «мозг армии». Ни один орган в стране не является более компетентным в вопросах готовности вооруженных сил к войне, чем Генеральный штаб. С кем же, как не с ним, должен был систематически советоваться будущий Верховный Главнокомандующий?

Однако И. В. Сталин очень мало интересовался деятельностью Генштаба. Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И. В. Сталину о состоянии обо-

роны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И. В. Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба.

Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И. В. Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И. В. Сталина было ошибочным.

К началу войны не были решены вопросы об органах Ставки и Главного командования: их структуре, персональном предназначении, размещении, аппарате обеспечения и материально-технических средствах.

За пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генерального штаба. Столь частая смена руководства Генштаба не давала возможности во всей полноте освоить вопросы обороны страны и глубоко обдумать все аспекты предстоящей войны.

Теперь, после всего пережитого, критически осмысливая минувшее, можно сказать, что руководство страной ошибочно пренебрегло нашими требованиями неотложных мероприятий, которые следовало провести сразу после войны с Финляндией, а военные руководители в предвоенный период были недостаточно настойчивы перед И. В. Сталиным в этих вопросах. Кстати сказать, как я убедился во время войны, И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было бы спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения.

Если кто-либо утверждает обратное, прямо скажу — их утверждения не верны. Забегая вперед, хочу сказать, что мне во время войны приходилось остро возражать против указаний И. В. Сталина по стратегии операций и по проблеме обороны страны в целом, и нередко мои суждения принимались.

<...>

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну».

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника он допустил ошибку.

<...>

Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 года, да и то не полностью. В ближайшие предвоенные месяцы руководством не предусматривалось проведение всех необходимых мер, которые нужно было принять в особо угрожаемый военный период.

Естественно, возникает вопрос: почему руководство, возглавляемое И. В. Сталиным, не провело в жизнь мероприятия им же утвержденного оперативного плана?

Почему оборона страны оказалась не на должной высоте, и мы были захвачены врасплох? На эти принципиальные вопросы даются разные ответы.

В этих ошибках и просчетах чаще всего обвиняют И. В. Сталина. Конечно, ошибки у И. В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических, политических и военных факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

<...> Занятая строительством народного хозяйства, наша страна главные усилия, все основные средства направляла на развитие производительных сил, до предела ограничивая выделение средств на укрепление обороны страны, вследствие чего до конца 1939 года значительная часть Красной Армии содержалась и проходила подготовку по территориальной системе, где не было условий для полноценной подготовки войск и запаса⁴.

С лета 1940 года, особенно после войны с Финляндией, партия и правительство уделяли большое внимание вооруженным силам и обороне страны, но экономические возможности страны не позволили в короткий предвоенный год полностью обеспечить про-

водимые организационные мероприятия по вооруженным силам. Война застигла страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил и создания мобзапасов и государственных резервов.

Законно возникает вопрос: а нельзя ли было начать проведение этих мероприятий значительно раньше? Конечно, можно и нужно было, но сталинское руководство ошибочно считало, что времени у нас еще хватит для проведения необходимых мероприятий. Эта ошибка отягощается теми обстоятельствами, что Германия свою вооруженную агрессию и дальнейшее развертывание вооруженных сил в значительных размерах начала с 1936 года, порвав все свои международные обязательства об ограничении своих вооруженных сил.

Допустив просчет в оценке сроков надвигающейся военной опасности, мы запоздали с осуществлением срочных мероприятий по обороне страны.

Здесь я хочу коснуться еще одного очень важного, на мой взгляд, психологического фактора, оказавшего на И. В. Сталина большое влияние.

Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся.

И. В. Сталин не был трусливым человеком, но он хорошо понимал, что возглавляемое им руководство страной явно опоздало с основными мероприятиями по подготовке страны к большой войне с таким сильным и опытным врагом, как Германия.

Он понимал, что мы опоздали не только с перевооружением войск новейшей боевой техникой и с реорганизацией вооруженных сил, но и с мероприятиями по обороне страны, в частности с созданием необходимых государственных резервов и мобилизационных запасов.

И. В. Сталин прекрасно знал и то, что после 1939 года во главе частей, соединений и войсковых объединений были поставлены кадры, далеко не освоившие оперативно-тактическое и стратегическое искусство.

Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более

того, многие из них даже не кончали военных училищ, и основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава.

Нельзя было не считаться и с моральными травмами, которые были нанесены Красной Армии и Военно-Морскому Флоту массовыми репрессиями.

Опасаясь стать жертвой провокации империалистических государств, информацию У. Черчилля, Президента Чехословакии Э. Бекеша, секретаря Госдепартамента США С. Уэллеса И. В. Сталин принимал как дезинформацию, и она еще больше усилила недоверие ко всем сообщениям из-за рубежа, в том числе и к сообщениям по линии нашей военной разведки.

В этих сложных условиях стремление избежать войны превратилось у И. В. Сталина в убежденность, что ему удастся ликвидировать опасность войны мирным путем. Надеясь на свою «мудрость», он перемудрил себя и не разобрался в коварной тактике и планах гитлеровского правительства.

<...>

Весной 1941 года в западных странах усилилось распространение провокационных сведений о крупных военных приготовлениях Советского Союза против Германии.

Германская печать всячески раздувала эти сведения и сетовала на то, что такие сообщения омрачают советско-германские отношения.

— Вот видите, — говорил И. В. Сталин, — нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга. Это тонкая политическая игра.

Такие мысли высказывались И. В. Сталиным и раньше...

...Помню, как однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную агентурную и наземную разведку, И. В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером и тот ему конфиденциально сообщил:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе.

Видимо, И. В. Сталин верил в эту версию, и все мероприятия по обороне страны, по усилению наших вооруженных сил он проводил как-то пассивно. Не скажу, что он отвергал наши предложения, но и не спешил с их принятием и не торопил тех, кто должен был проводить их в жизнь.

И. В. Сталин убеждал нас в том, что гитлеровская Германия надолго связала себя, ввязавшись в войну с Францией и Англией, и выйдет из нее настолько ослабленной, что ей потребуются многие годы, чтобы рискнуть развязать большую войну с Советским Союзом. Тем временем наша страна значительно окрепнет экономически, освоит воссоединенные с Советским Союзом районы Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии и закончит строительство укрепленных рубежей на новых государственных границах.

— Когда же все это будет нами сделано, — говорил И. В. Сталин — Гитлер не посмеет напасть на Советский Союз.

Желая во что бы то ни стало избежать войны с Германией, Сталин строил свои расчеты на сомнительной основе.

Как известно, победитель обычно не выходит из войны ослабленным, но тогда, слушая И. В. Сталина, я как-то невольно заражался его убежденностью и верил, что, вопреки всем признакам, войну с Германией удастся на какой-то период оттянуть, а возможно и вовсе избежать. Как и другие, я считал его опытейшим государственным рулевым. К сожалению, и у И. В. Сталина не хватило чувства реальности. Расчеты на то, что Германия выйдет из войны на Западе ослабленной, оказались неверными. Быстро разгромив Францию и сковав Англию, немцы получили богатейшие военно-экономические ресурсы и вскоре, перегруппировав свои основные силы с запада на восток, развернули их против Советского Союза.

Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, — нет никаких оснований утверждать, что И. В. Сталин полагался на него... Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении.

<...>

<...> В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом.

Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более

организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери. Это подтверждают успешные оборонительные действия частей и соединений в районах Владимир-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на других участках юго-западного направления⁵.

...Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 года, я ни разу не был информирован И. В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично.

По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не дается та информация, которая направляется И. В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили:

— Таково указание товарища Сталина.

Мы как-то с С. К. Тимошенко рискнули серьезно поговорить с И. В. Сталиным. С присущим ему лаконизмом он ответил:

— То, что вам следует знать, вам будет сообщено.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и наркомому обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны.

<...>

13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и настойчиво просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

И. В. Сталин сказал:

— Сейчас этого делать не следует, мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его.

— Ну, что? — спросил я.

— Велел завтра газеты читать, — раздраженно сказал С. К. Тимошенко и, поднявшись из-за стола, добавил: — Пойдем обедать.

14 июня в нашей печати было опубликовано сообщение ТАСС...⁶

...На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— С Германией у нас договор о ненападении, — сказал И. В. Сталин. — Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они, вместе взятые.

Нарком обороны С. К. Тимошенко попробовал возразить:

— Ну а если это все-таки случится? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.

— Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

Затем И. В. Сталин все же спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада...

— Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, — сказал И. В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин, вспыхнув, сказал:

— Не во всем можно верить разведке...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством.

<...>

Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота.

<...>

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будьте немедля: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...

...В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С. К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И. В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом...

Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

— Подождем возвращения Молотова, — ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в Приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И. В. Сталин. — Но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу.

Трудно было понять И. В. Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны.

Но она уже стала фактом. Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях.

Говорят, что в первую неделю войны И. В. Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В. М. Молотову. Это суждение не соответствует действительности. Конечно, в первые часы И. В. Сталин был растерян. Но вскоре он вошел в норму и работал с большой энергией, правда, проявляя излишнюю нервозность, нередко выводящую нас из рабочего состояния.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива № 2 наркома обороны была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась нереальной, а потому и не была проведена в жизнь.

<...>

При разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию.

Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу — продумать и рассчитать наши возможности для той или тех операций, которые

намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4–5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командование и штаб фронта, в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находившимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного Главнокомандования, материальных запасов.

Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО.

После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием, на что именно следует обратить особое внимание. Определялось, кто персонально направлялся представителем Ставки для координации действий фронтов и кому осуществлять контроль за материально-техническим обеспечением войск, своевременной перегруппировкой войск и резервов Верховного Главнокомандования.

Конечно, всеми этими вопросами, которые приходилось решать Ставке при подготовке операций или военных кампаний, деятельность ее далеко не ограничивалась. Ее объем и степень сложности во многом зависели от того, где, когда и против какого противника и какими силами и средствами проводились операции.

<...>

Деятельность Ставки неотделима от имени И. В. Сталина. В годы войны я часто с ним встречался. В большинстве случаев это были официальные встречи, на которых решались вопросы руководства ходом войны. Но даже простое приглашение на обед всегда использовалось в этих же целях. Мне очень нравилось в работе И. В. Сталина полное отсутствие формализма. Все, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями.

ГКО и Ставка представляли собой два самостоятельных чрезвычайных органа, созданных решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР на период войны.

Но так как И. В. Сталин возглавлял и Комитет и Ставку, то формальность обычно не соблюдалась. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки и, наоборот, в Ставке, при рассмотрении важных вопросов, присутствовали члены ГКО. Совместная работа приносила большую пользу: не терялось время на изучение вопросов для проведения их в жизнь, и люди, входившие в состав этих двух государственных органов, всегда были в курсе событий.

Конечно, подобная практика работы Ставки и ГКО была физически очень тяжела для их членов, но в ходе войны об этом не думалось: каждый работал в полную меру своих сил и возможностей. Все равнялись на И. В. Сталина, а он, несмотря на свой возраст, был всегда активен и неутомим. Когда кончилась война и наступили дни сравнительно планомерного труда, И. В. Сталин как-то сразу постарел, стал менее подвижен, еще более молчалив и задумчив. Минувшая война и все связанное с нею сильно и ощутимо отразились на нем...

<...> Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать...

<...> И. В. Сталин обычно работал в Кремле в своем рабочем кабинете. Это была просторная, довольно светлая комната, стены которой были обшиты мореным дубом. В ней стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились, кроме того, портреты Суворова и Кутузова. Жесткие стулья, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним — стол, на стенах различные карты мира.

В глубине кабинета у закрытого окна стоял рабочий стол И. В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь были телефоны ВЧ и внутри-кремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои записи синим карандашом, писал быстро, размашисто, разборчиво.

Вход в кабинет вел через проходную комнату А. Н. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего. За кабинетом — небольшая комната

отдыха. В комнате связи стояли телеграфные аппараты для переговоров с командующими фронтами и представителями Ставки.

Работники Генштаба и представители Ставки разворачивали карты на большом столе и стоя докладывали Верховному обстановку на фронтах, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету медленным широким шагом, вразвалку.

Время от времени он подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал коробку папирос «Герцеговина Флор», разрывал несколько папирос и медленно набивал трубку табаком.

Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами — «короче!», «яснее!». Совещания открывал без вводных, вступительных слов.

Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

И. В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным.

Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то «белые пятна», сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только были тогда способны...

<...> Свои суждения по важным вопросам И. В. Сталин во многом строил на основе докладов представителей Ставки, посылавшихся им в войска, из выводов Генерального штаба, мнений и предложений командования фронтов и специальных сообщений.

Непосредственно общаться с И. В. Сталиным мне довелось, начиная с февраля 1941 года, когда я начал работать в должности

начальника Генштаба. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз.

Непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения.

Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушенных и значительных людей внутренне собраться и быть начеку.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза.

Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчетливо отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя. В руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы. Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры.

Смеялся И. В. Сталин редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний.

Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку

дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

В довоенный период мне трудно было оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства.

<...> Тогда, когда мне доводилось бывать в Политбюро или лично у И. В. Сталина, рассматривались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только еще раз сказать, что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе конструкторов основных видов вооружения и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих образцов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качестве основных видов вооружения...

<...> Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения не принимался и не снимался. С одной стороны, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии. Однако, с другой стороны, следует признать, что такой порядок во многих случаях помогал быстро внедрять в производство тот или иной новый образец боевой техники.

Меня часто спрашивают, действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов.

Здесь, пожалуй, уместно сказать несколько слов о И. В. Сталине, как о военном деятеле, о котором в ряде случаев давались характеристики, не всегда отвечающие действительности.

Я хочу коснуться только его личных качеств и деятельности в области обороны страны на посту Верховного Главнокомандующего.

Многие политические, военные и общегосударственные вопросы обсуждались и решались не на официальных заседаниях Политбюро ЦК и в Секретариате, а вечером за обедом на квартире или на даче И. В. Сталина, где обычно присутствовали наиболее близкие ему члены Политбюро, среди которых были В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. А. Жданов, А. И. Микоян

и К. Е. Ворошилов. Тут же за обедом И. В. Сталиным давались поручения членам Политбюро или министрам, которые приглашались по вопросам, находившимся в их ведении. С наркомом обороны иногда приглашался начальник Генерального штаба.

И. В. Сталин был волевой человек и, как говорится, «не из трусливого десятка».

Растерянным я его видел только один раз. Это было на рассвете 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия напала на нашу страну. Он в течение первого дня не мог по-настоящему взять себя в руки и твердо руководить событиями. Шок, произведенный на И. В. Сталина нападением врага, был настолько силен, что у него даже понизился звук голоса, а его распоряжения по организации вооруженной борьбы не всегда отвечали сложившейся обстановке.

После 22 июня 1941 года, почти на протяжении всей войны, И. В. Сталин твердо управлял страной, вооруженной борьбой и международными делами. Даже в момент смертельной опасности, нависшей над Москвой, когда враг находился от нее на расстоянии 25–30 километров, И. В. Сталин не покидал своего поста, находился в Ставке в Москве и держал себя как подобает Верховному Главнокомандующему...

<...> Действительно ли И. В. Сталин был выдающимся военным мыслителем?

Конечно, нет. Все это нагородили в угоду И. В. Сталину, чему способствовал он сам, распространявший версию о том, что якобы В. И. Ленин не знал военного дела и требовал от молодых работников ЦК досконального изучения военного дела и, мол, в первую очередь требовал этого от него, Сталина. При этом как будто В. И. Ленин ссылался на то, что лично он уже стар изучать военное дело. Вслед за этой версией, как водится, и «пошла писать губерния»⁷.

С военной точки зрения И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним начинал войну и вместе с ним закончил ее, До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве.

Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций.

В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось.

До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил.

Не разбираясь глубоко в сложности, методах и способах подготовки современных фронтовых операций, И. В. Сталин зачастую требовал явно невыполнимых сроков подготовки и проведения операций. И они по его категорическим требованиям нередко начинались слабо подготовленными и недостаточно обеспеченными. Такие операции не только не достигали цели, но влекли за собой большие потери в людях и материальных средствах⁸.

И. В. Сталин недооценивал значение авиационной разведки, вследствие чего в течение всей войны у нас не было хорошей разведывательной авиации, хотя мы и имели в образцах замечательные разведывательные самолеты, оснащенные первоклассной разведывательной аппаратурой.

Когда ставился вопрос о необходимости массового производства разведывательных самолетов, И. В. Сталин обычно говорил:

— Выбирайте одно из двух: или боевую или разведывательную авиацию, а то и другое мы строить не можем.

Конечно, И. В. Сталин был не прав, страна наша могла строить и то и другое, но безусловно, в известных пропорциях. Такое недопонимание важной роли разведывательной авиации в современной войне тяжело отражалось на ходе сражений, особенно в первом периоде войны.

Ведя борьбу с врагом в 1941–1942 годах за выигрыш времени, Верховному Командованию необходимо было с особой бережливостью относиться к сохранению людских ресурсов с тем, чтобы в нужный момент, оснатив их новейшей техникой, обрушить затем на врага. Но И. В. Сталин часто этого не делал.

Горячась, он нередко требовал вводить в сражения все новые и новые части, не считаясь с тем, что некоторые соединения войск, вводимые в бой, только что мобилизованы и еще не успели получить необходимую боевую подготовку. Мы убеждали И. В. Сталина в том, что преждевременный ввод в сражение необученных и несколоченных частей приводит к излишним потерям⁹. В таких случаях он сердился и говорил: «Нечего хныкать, на то и война...»

Большим минусом для Верховного было то, что за время войны он лично ни разу не побывал в войсках фронтов и своими глазами не видел боевых действий войск. Все выводы он строил на основе

докладов своих заместителей, Генштаба, командования фронтов и спецсообщений.

Могу сказать, что И. В. Сталин позднее овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела. Эти способности И. В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с нанесенной на них обстановкой он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим.

Конечно, И. В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию армии, фронта или группы фронтов. Верховному Главнокомандующему это было и не обязательно. В таких случаях он, естественно, советовался с членами Ставки, Генштабом и специалистами по артиллерии, бронетанковым, военно-воздушным и военно-морским силам, по вопросам обеспечения тыла и снабжения.

Лично И. В. Сталину приписывали ряд принципиальных разработок основ военной науки, в том числе о методах артиллерийского наступления, о завоевании господства в воздухе, о способах окружения противника, о рассеянии окруженных группировок врага и уничтожении их по частям и т. д.

Это не так. Все эти важнейшие вопросы — результат, добытый войсками в боях и сражениях с врагом, они являются плодами глубоких размышлений и обобщения опыта большого коллектива руководящих военачальников и командного состава войск.

Заслуга И. В. Сталина здесь состоит в том, что он быстро и правильно воспринимал советы военных специалистов, дополнял и развивал их и в обобщенном виде — в инструкциях, директи-

вах и наставлениях — незамедлительно передавал в войска для практического руководства.

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для ведения войны Верховный Главнокомандующий, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему в этом должное.

<...>

Основных законов оперативно-стратегического искусства И. В. Сталин не придерживался. Он был подобен темпераментному кулачному бойцу, часто горячился и торопился вступить в сражение. Горячась и торопясь, И. В. Сталин не всегда правильно учитывал время, необходимое для всесторонней подготовки операции. Мне и А. М. Василевскому стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена.

Конечно, при этом приходилось серьезно спорить и выслушивать от И. В. Сталина неприятные и незаслуженные слова. Но тогда мы мало обращали на это внимания.

После смерти И. В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так. Выше я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций.

<...>

На другой день Верховный позвонил мне и сухо спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами, и чувствовал, что эта идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора.

Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство

фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

<...>

